

СМЫСЛ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ

Е.Л. КОРНЕЕВА

Волонтерское движение в России в последние годы набирает все большую популярность. Это направление работы обладает характеристиками, которые делают ее особо критичной к присутствию смысла: безвозмездный характер помощи, необязательность участия, неформальность устанавливаемых отношений, близость к основным экзистенциалам (например, смерть, болезнь и одиночество). Основные направления исследований волонтерства посвящены изучению характеристик волонтеров, их мотивации и прикладных вопросов деятельности. При этом ощущается нехватка работ, которые позволили бы осветить специфику данной деятельности с точки зрения ее участников. В статье представлены результаты анализа интервью с волонтерами двух объединений, оказывающих помощь пожилым людям в домах престарелых. В рамках феноменологического интерпретативного подхода описаны модусы переживания смысла волонтерами: выход за пределы обыденности, расширение границ, общность, «фундамент жизни».

Ключевые слова: смысл, волонтер, волонтерская деятельность, пожилые люди, модусы переживания смысла, интерпретативная феноменология.

Введение

Волонтерское движение в последние годы в России набирает все большую популярность. По данным Росстата, число зарегистрированных негосударственных некоммерческих организаций (НКО) с середины 1990-х годов увеличилось более чем в 6 раз [Бодренкова, 2013].

Характеристики, присущие данному виду деятельности (отсутствие материального вознаграждения, необязательный характер участия и в то же время необходимость следования формату оказываемой помощи и взятия на себя определенных обязательств, неформальность устанавливаемого контакта с реципиентом помощи, близость к основным экзистенциалам — смерти, болезни, старости, одиночеству [Корнеева, 2014], делают ее отличной от других видов занятий: как от профессиональной деятельности, участие в которой продиктовано объективной необходимостью и сопровождается материальным вознаграждением,

так и от увлечений и хобби, опыт участия в которых не обладает такой «экзистенциальной остротой» и, как правило, связан с безусловно приятными переживаниями.

Поскольку волонтерская деятельность лишена важнейшего побудительного средства человеческого поведения в виде материального вознаграждения и участие в ней не продиктовано внешней необходимостью (обеспечение себя, своей семьи и близких, социализация), она становится особенно «уязвимой» к наличию смысла. Поэтому на примере данного вида деятельности мы могли бы составить более полное и яркое представление о движущих силах и механизмах смыслообразования и смысловой динамике в процессе участия в деятельности.

Предмет основных направлений исследований, посвященных данной теме, можно сформулировать как ответы на следующие исследовательские вопросы: «Кто?», «Как?», «Почему?».

Первый вектор научных изысканий («Кто?») посвящен исследованию основных характеристик волонтеров. Согласно выводам ряда авторов, волонтерами становятся преимущественно женщины с уровнем образования не ниже среднего специального и социально-экономическим статусом не ниже среднего, имеющие более свободный график работы или учебы, которые участвуют в других видах социальной активности и обладают уровнем здоровья, допустимым для свободного перемещения [Allen, Rushton, 1983; Choi, 2003; Lodi-Smith, Roberts, 2007; Taniguchi, 2010]. Среди личностных качеств, присущих волонтерам, исследователи выделяют эмпатичность, высокие внутренние стандарты, эмоциональную стабильность, позитивное отношение к себе и другим [Allen, Rushton, 1983].

Другой вектор исследований («Как?») посвящен различным прикладным вопросам волонтерства: Каким образом осуществляется процесс оказания помощи? Каковы основные критические моменты деятельности и возможные превентивные меры по их устранению?

Например, в деятельности волонтеров хосписа были выделены следующие наиболее трудные моменты: недостаток времени, депрессивная природа работы, коммуникативные сложности, недостаток поддержки и оценки со стороны администрации и медперсонала [Grogger, 2013], ощущение использованности, встреча с пациентом на позднем этапе его болезни, невозможность оказать более действенную помощь пациентам и их семьям [Claxton-Oldfield S, Claxton-Oldfield J., 2008].

Для того, чтобы человек продолжал принимать участие в волонтерской деятельности, необходимо удовлетворение следующих основных потребностей: потребности в автономии, переживании собственной компетентности и ощущении связи с другими людьми [Deci, Ryan,

2000]. При этом удовлетворенность должна касаться разных аспектов деятельности: удовлетворенность организацией, выполняемой работой, условиями труда, слаженностью действий участников [Потапова, 2006].

Еще одно направление исследований волонтерства посвящено его мотивационно-смысловым аспектам: ученые пытаются ответить на вопрос «**Почему?**» (Почему волонтеры делают это? Что движет ими?). Большие (стремление снизить налоги, приобрести опыт работы, полезные знания и навыки) и внутренние (оказывать помощь людям, быть нужными и полезными для общества, самореализация и личностный рост) [Anderson, Moore, 1978; Clary, Snyder, 1999; Hank, Erlinghagen, 2010]. В зависимости от степени интернализации выделяют следующие виды мотивации: внутреннюю (помощь другим приносит радость), интегративную (она становится важной частью идентичности), идентифицированную (волонтерская деятельность поддерживает важные личные мотивы), реактивную (делать что-то, чтобы получить что-либо или избежать наказания или чувства вины) и внешнюю (например, исходя из внешних требований образовательного учреждения) [Warren, Garthwaite, 2014]. В то же время К. Пиллемер [Pillemer и др., 1996] подчеркивает, что ведущими механизмами, лежащими в основе всех мотивов, являются идентификация с тем, кому оказывается помощь, и фактор взаимности. Так, было показано, что зачастую волонтеры в прошлом сами имели опыт ухода за больными. Таким образом, пройдя через данное испытание, они стремятся каким-то образом помочь другим справиться с подобной ситуацией или завершить процесс горевания по умершему близкому человеку.

В то же время, пытаясь охватить различные аспекты волонтерства, мы едва ли можем ответить на вопрос «**Что?**». Что представляет собой волонтерская деятельность? С точки зрения внешнего наблюдателя, участие в ней может быть не совсем понятно, разумно, и в то же время мы можем наблюдать, что все больше людей находят в ней что-то важное для себя. При этом ответ на вопрос о значении этой деятельности для самих участников, мог бы по-новому осветить этот феномен, и в практическом отношении эти знания могли бы быть применены для разработки стратегий работы с волонтерами: привлечения новых участников, обучения и введения в деятельность, профилактики выгорания и уходов и т.д.

Метод

Для того чтобы увидеть эту деятельность глазами ее участников, мы провели полуструктурированное смыслоориентированное интервью с 16 волонтерами двух волонтерских организаций (христианская община и благотворительный фонд), навещающих пожилых людей в домах пре-

старелых. Волонтеры были отобраны из двух групп, уравненных по стажу деятельности, полу и выполняемой ими роли. Интервью начиналось традиционно общим вопросом — просьбой рассказать о своей деятельности («Я пишу работу, посвященную людям, которым помогают пожилым, знаю, что Вы этим занимаетесь. Не могли бы рассказать об этом?») с последующим развитием возникающих тем, а также раскрытием основных тематических блоков, выделенных на предыдущей фазе исследования. При обработке полученных данных мы использовали феноменологический интерпретативный анализ [Willig, Billin, 2011].

Основываясь на феноменологической традиции, данный метод направлен на описание качества и структуры опыта участников, а также того, каким образом этот опыт осмысливается ими. Получаемое таким образом знание относится к субъективно переживаемому опыту. Исследователь пытается понять этот опыт, а для этого он стремится максимально «вжиться» в мир интервьюируемого, подойти максимально близко к конструируемой им реальности, вскрыть не только содержательно, что для него важно в том или ином опыте, но и сделать картину переживания видимой для читателя. Другими словами, исследователь пытается ответить на вопрос не только что значимо для человека в той или иной ситуации, но и как эта личная значимость переживается самим участником («felt sense»). В рамках настоящего исследования мы пытались ответить на вопрос: что значит участие в этой деятельности для самих волонтеров, что оно дает им, их жизни, как переживается.

Интерпретативный модус понимания феноменологического метода предполагает неизбежность и целесообразность интерпретации полученных данных. Использование интерпретации целесообразно, так как представляет смыслы участников более явственным, наглядным для читателя образом. И в то же время, проведение анализа без привнесения собственных пред-знания и позиции относительно этого опыта невозможно. Поэтому анализ строится как постоянное и последовательное движение от предположений исследователя к интерпретации и обратно.

В рамках данного исследования для структурирования опыта участников мы использовали анализ по выделенным категориям (с привлечением компьютерной программы MaxQDA), пытаясь ответить на вопрос, какие аспекты деятельности являются наиболее лично значимыми для волонтеров. На следующем этапе мы постарались войти в переживаемую реальность этого опыта и выделить основные модусы переживания и осмысления, которые определяют своеобразие субъективной картины этой деятельности. В ходе анализа мы старались соотносить внешнюю реальность и условия разворачивания данной деятельности (близость к основным экзистенциалам: смерти, одиночеству, старости и т.д.; необязатель-

ный характер участия; неформальность устанавливаемых отношений; свободный выбор и т.д.) с ее внутренней смысловой картиной, представленной самими участниками в ходе интервью.

Следует отметить, что такое «проникновение», пусть и отличающееся субъективным характером восприятия исследователя, стало возможным, благодаря тесному знакомству автора статьи с реалиями волонтерского мира, многолетнему опыту участия в различных конференциях и круглых столах на заданную тему, регулярным обсуждениям и рефлексии данного опыта, общению с различными волонтерами как из России, так и из других стран Европы и Африки.

Основные результаты

В результате проведенного анализа интервью были выделены следующие модусы переживания волонтерской деятельности («переживаемые смыслы», «felt senses» [Willig, Billin, 2011].

1) Выход за пределы обыденности (выход за пределы привычной, «будничной» жизни, состояние предельности, экзистенциальной остроты, инаковости, неординарности, «пограничности» волонтерской деятельности).

Многими волонтерами подчеркивается, что опыт данной деятельности является «иным», отличающимся от обычной жизни. Волонтеры говорят об «особой атмосфере поездки» или «особом состоянии», возникающем в процессе этой деятельности.

Данное ощущение складывается, прежде всего, благодаря особым условиям разворачивания данной деятельности: низкая популярность помощи пожилым людям по сравнению с помощью другим группам (прежде всего детям) («никто больше не ездит к ним», «если я не приду, то никто не придет»), близость к основным жизненным экзистенциалам (смерти, старости, болезни и т.д.), особый мир пожилых людей, («инаковый» по отношению к миру волонтеров: по возрасту, социально-экономическому статусу, пережитому опыту; мир изначально незнакомых, далеких людей, взгляд которых обращен в прошлое, предполагает рефлексия прожитой жизни; смыслообразующий кризис пожилого возраста [Ермолаева, 1999; Лидерс, 2000; Марцинковская, 1999] — все это придает данному опыту некоторую «остроту», «предельность», выводит из привычного состояния.

«Особое состояние, когда ты слушаешь кого-то с особой внимательностью, присутствием, и он тебе что-то рассказывает, то, о чем никогда не рассказывал прежде, как-то раскрывается перед тобой, и ты видишь и хрупкость, и красоту, и достоинство, и что-то говорит важное тебе, нам, что-то личное тоже, показывающее, как наш приход важен и ценен

для них. И как мы потом выходим и идем вместе, и как хорошо, что вот что-то нас такое особое объединяет, и мы можем это обсудить, поговорить об этом, вспомнить, и как-то хорошо на душе, полным-полно, и кажется, все как-то неслучайно и неспроста, и все значимо и хорошо, и правильно как-то» (А.)¹.

Благодаря своей «инаковости», отличности от привычного хода жизни, данный вид деятельности может представляться волонтерам как своеобразный вид хорошего, полезного отдыха.

«Да, да, выезд к бабушкам — конечно, отдых. Если вдруг много новых людей, я волнуюсь, как там все пройдет, как мы соберемся, боюсь опоздать. А в основном, если это не очень большая, обычная поездка к нашим бабушкам, которые ждут — это всегда радость и отдых» (Л.).

В этом трансцендентном измерении опыта переживание тоже приобретает парадоксальный характер. Удивителен контраст между описанием внешних условий нахождения пожилых людей в домах престарелых, которые воспринимаются как «тяжелые», «грустные» (трудности с персоналом, состояние пожилых людей: «овощи») и переживанием «радости», о котором волонтеры говорили наиболее часто (*«Бабушки, которые ждут и рады — это безумный позитив» — Л.*).

Такого рода радость, видимо, можно отнести скорее не к собственно гедонистическим эмоциям, связанным с переживанием удовольствия, но к особому классу радости, в большей степени связанной с обретением и воплощением смысла (*«радостно, потому что осмысленно и интересно» — Т.*), она связана с выходом за пределы привычного состояния, дарит состояние полета, душевного подъема, изменения, ощущение значимости и важности переживаемого.

«Дает радость, на самом деле. Радость, какое-то окрыление. Я очень много раз приходила туда как выжатый лимон, без сил, в отвратительном настроении, и уходила счастливая, окрыленная, радостная, полная сил и с полным сердцем, потому что это здорово» (С.).

Со временем радость может приобретать стойкий, устойчивый характер, волонтеры говорят о ней как о «норме жизни» (радость поездки в дома престарелых, когда для всех это событие, когда «все рады, все довольны» — и волонтеры, и пожилые люди). Таким образом, несмотря на внешние «грустные» условия дома престарелых, радость становится своеобразным внутренним «атрибутом» данной деятельности.

2) Расширение границ (выход за границы привычного, расширение горизонта, границ, понимание, открытия, изменения).

¹ Здесь и далее за цитатами указывается первая буква имени каждого из опрошенных волонтеров.

Соприкосновение с экзистенциальными данностями «расшатывает» границы обыденного, привычного — как представлений о себе, так и о мире, о людях, о своей жизни. Через этот экзистенциальный накал внешней ситуации запускается внутренний процесс осмысления, который может приводить и к внутренней трансформации. Как сказал один из волонтеров, «это не всегда радость, но изменение души».

Вхождение в изначально «инаковый» мир пожилых людей, развитие отношений с ними оказывает влияние на восприятие пожилых людей, старости, болезни — возникает больше понимания людей данного возраста, отношения к ним в обществе («как к каким-то маленьким беспомощным детям»), их потребностей, «языка» («лучше понимаю, чем они живут, что для них важно, и как для них важно внимание» — А.), появляется больше принятие («если бы я не пришла к этим людям в дом престарелых, я бы не понимала, что такое старость, я бы ее боялась», «учусь любить, принимать старость» — Т.).

Некоторые волонтеры отмечают влияние опыта, полученного в доме престарелых, на их жизнь в целом, таким образом, границы данного опыта внутренне расширяются от конкретных людей в доме престарелых до близких людей, людей в трудной жизненной ситуации. Это может создавать ощущение своеобразной готовности к столкновению с подобными реалиями в будущем, в своей жизни, в жизни своих родных.

«Зато мне есть, что теперь ответить людям, которые мне говорят: «А зачем ты идешь к каким-то чужим старикам, а надо помогать своим?». Потому что я поняла, что в этом служении и в этой дружбе ты открываешь и то, что тебе помогает понимать своих. И это просто очень конкретно» (С.).

Соприкосновение с миром старости, умирания делает перспективу собственной старости более близкой, осязаемой. Многие волонтеры отмечают, что часто задумываются об этом. Некоторые волонтеры говорят о нежелании стареть, о страхе дожить до собственной старости. Другие, наоборот, смотрят на нее в более позитивном ключе, отмечают, сравнивая с конкретными примерами старения, какими бы они хотели стать в старости («Старости светлой, человека который верит, молится, любит других и заботится о других ...Я не могу сказать, что у меня нет страха перед старостью. Просто у меня есть, к чему стремиться. То есть, я знаю, какой я хочу быть» — К.). Таким образом, осознание перспективы собственной старости, смерти в будущем, способствует более четкому определению собственных приоритетов, ценностей в настоящем:

«Должна быть вера в смысл, любовь к Богу, к окружающим людям, нужно быть очень мудрым и сильным к старости, чтобы действительно можно было осмысленно переживать, потому что не сможешь уже ничего менять сильно» (Т.).

Через общение с самыми разными пожилыми людьми, часто на исходе их жизни, в разных проявлениях и состояниях физического и психического здоровья, может открываться какой-то новый способ видения человека, его природы в контексте уходящей жизни, приближающейся или свершившейся смерти:

«И я смотрела, глядя на нее, понимала, что такой человек, что-то очень глубинное, что не исчезает до самой смерти, в каком бы ты там не был, что будут называть деменцией, ты можешь потерять всю память, но, при этом, ты останешься таким же человеком, каким и был, только притворяться уже не сможешь, ...и поняла, что нужно быть просто хорошим человеком, что это не исчезнет, я раньше думала, что это наше вот культурное наслоение — это наша любовь к людям, пропадет, если мы перестанем как-то, что это что-то такое сложное-сложное, появляется с годами, не с годами, а оказалось, что это как природа человеческая, что она бывает такая» (В.).

Участие в волонтерской помощи пожилым людям требует общения с самыми разными людьми на разных уровнях, поэтому неслучайно, что почти все волонтеры отмечают произошедшие в них изменения в области взаимодействия и отношений с другими людьми, приобретение новых друзей, а также изменение качества общения («большая открытость», «меньше страха», ощущение «братства с другими людьми», «широко», «расслабленно», «общение со всеми»).

Волонтеры также говорят о появлении и развитии у них новых качеств (внимательность, верность, способность слушать других), изменении представлений о себе («в этом общении открывается, что твое сердце, твои интересы гораздо шире, чем думаешь») и в самоотношении («самооценка повышается», «гордость появляется»).

3) Общность (переживание чувства общности с волонтерами, со всеми людьми в целом, с семьей, с Богом, с различными сторонами своей личности)

Описанная выше «острота», трансцендентность, характерная для данного опыта, переживается не в одиночку, но совместно с другими волонтерами. Поскольку другие волонтеры становятся соучастниками такого же экзистенциально насыщенного, острого, трансцендентного опыта, первоначальная общность интересов, ценностей и людей, «которые делят с тобой общий взгляд на старость, одиночество», укрепляется за счет разделенного, совместного переживания опыта помощи. Все это способствует единению и сближению внутри группы, развитию особых отношений близости, доверия, дружбы. Многие волонтеры используют «мы» вместо «я», описывая свой опыт, при этом другие волонтеры описываются как «лучшие люди», «сотоварищи».

Волонтеры говорят также о развитии отношений, общности и с пожилыми людьми. Своеобразным мостом к миру пожилых людей может выступать какой-то предшествующий опыт из семьи, детства, который делает мир пожилых людей изначально более знакомым, лично значимым, привлекательным: *«Думаю, потому что бабушка с дедушкой меня растили, поэтому у меня очень сентиментальное отношение к дедушкам особенно, как-то всегда очень умиляют дедушки, и мне понятны они, понятен их язык, и это уважение, которое вызывают старики, что это кто-то близкий»* (М.), *«Потому что в семье у нас лежащая прабабушка, пожилые бабушка и дедушка, у нас был лежащий дедушка, который умер — скорей всего, это оказало влияние, потому что достаточно много родственников, и мы хорошо понимаем психологию стариков — по крайней мере, нам так кажется. Мы понимаем их потребности»* (Л.).

Через вхождение в мир пожилых людей, знакомство с реалиями их жизни волонтеры начинают примерять на себя данный опыт, таким образом они могут входить в контакт с различными сторонами своей личности:

«Потом, когда у тебя случаются моменты, когда ты болеешь, и не можешь сам себе в магазин сходить, ты понимаешь, что это та ситуация, в которой люди в домах престарелых живут уже годами, если у тебя не было опыта со стариками, а потом перекрестного такого опыта в твоей жизни, слабости кратковременной, ты бы не понимал их, и меньше бы понимал себя» (М.).

Такое переживание общности, общей судьбы (основных вех жизни, в особенности старости и смерти) сближает изначально далеких волонтера и пожилого человека. Столкновение с неизвестными прежде реалиями человеческой жизни, и их более полное проживание, порождает чувство единения и со всеми людьми в целом — открытие чего-то общего, универсального, присущего всем людям: неминуемость смерти, хрупкость человеческой жизни, непреходящие ценности любви, мира и т.д., это дает волонтерам большую открытость и легкость в общении: *«большая расслабленность и большая уверенность, наверное, и упование, что ничего дурного не подумают — не потому, что я стала такая раскрепосная, а просто потому, что в людях начинаешь в большей степени видеть братьев, сестер, себе подобных»* (А.).

Участие в данной деятельности также может выводить и на другой уровень человеческого существования — некоторые волонтеры начинают больше задумываться о религии, вере, Боге. Особенно ярко это выражается в опыте переживания смерти — когда становится невозможным оставаться на чисто «человеческом» уровне («когда видишь, как гроб закапывают»). Кто-то говорит о «более философском отношении к смерти», кто-то — о «надежде на встречу в ином мире». Само участие

может субъективно рассматриваться волонтерами не только в человеческой плоскости, как общение с пожилыми людьми, но и в контексте присутствия в этом процессе каких-то высших сил, Бога:

«Ну, мне кажется, что хожу туда с такой целью, чтобы быть ближе к Богу. Наверное, я бы могла бы еще другое дело делать, но что бы я не делала в таком духе, будучи с людьми в более трудной ситуации — смысл бы для меня был бы тоже такой» (О.).

4) «Фундамент жизни» (стабильность, «основа», «константы», «погруженность» в жизнь, полнота, осмысленность, радость, поддержка, «не напрасность» жизни).

Участие в данной деятельности (благодаря экзистенциальной «остроте» опыта, расширению границ понимания, более глубокому осмыслению себя, других людей и жизни в целом) может приводить к изменению качества жизни — она становится более «радостной, полной, осмысленной»:

«У меня повышается настроение, уже нет такой пустоты, когда не знаешь, нет особой цели. Бывает, когда плохое настроение, пропадает не то, чтобы цель в жизни, но мотивация. А когда побываешь рядом с людьми, когда сделаешь им приятное, когда привязываешься к этим людям, понимаешь, какие они замечательные — всегда становится лучше, чувствуешь себя полнее» (Л.).

И наоборот, размышляя о гипотетической возможности прекращения данной деятельности, волонтеры представляют свою жизнь «пустой, грустной, лишенной смысла»: *«Скажем, она потеряла бы часть смысла. Ну, возможно, я бы как-то погрустнел от того что, может быть, меньше смысла в жизни» (М.).*

При этом пустой воспринимается жизнь, связанная только с личными интересами, «когда не делаешь ничего для других», и это вызывает ощущение «растрачивания жизни», так как «ничего не приносишь для других людей». Перспектива такой жизни, «только для себя», оценивается волонтерами негативно. Эта пустота вызывает «плохое настроение», негативные переживания, грусть: *«когда проведешь выходные, никуда не сходя и не сумев никому помочь, чувствуешь себя совершенно пустым, и сразу начинает портиться настроение резко» (Н.).*

На место пустоты благодаря участию в данной деятельности приходит ощущение стабильности, «основы жизни», которая достигается наличием и укреплением жизненных ориентиров, реализацией ценностей, постоянством участия, общностью с группой (*«дает какую-то стабильность, основу моей жизни, что-то постоянное, правильное, нужное, приятное, теплое, родное» — А.*), что, в свою очередь, еще больше привлекает волонтера к данной деятельности.

Ощущение связей с пожилыми людьми также может придавать жизни чувства стабильности и постоянства. Эти отношения могут служить «поддержкой», «константами» для волонтеров, давать чувство спокойствия: *«Знаю, что Ольга Игнатьевна в доме престарелых, и как-то спокойно, что в жизни есть какие-то константы. И у меня бабушка живая, и продолжается жизнь, есть какие-то близкие тебе люди»* (Б.).

Опыт данной деятельности дает волонтерам также ощущение большей «включенности» в жизнь (*«не зря провел время, а сделал что-то полезное, какое-то ощущение погруженности в жизнь, что вот тут реальная жизнь»* (Л.)), «практического дела для людей» (М.), «просто сделать, чтобы они были немного счастливее» (З.), «что все не напрасно, что ты можешь что-то менять в этой жизни» (А.).

Ощущение «реальной», «настоящей» жизни, «осмысленного», «нужного» другим людям дела, возникающее в процессе оказания помощи пожилым людям, часто противоположно описанию других реалий жизни волонтеров: города, где *«столько равнодушных людей»*, работы *«где столько усилий»* и *«никакого смысла»*, *«абсолютно никому не нужно»* (О.).

Данная деятельность служит «фундаментом» не только для жизни, но и для личности волонтера. Через постоянство участия, реализацию значимых для себя ценностей происходит укрепление собственной позиции, своей личности, растет уважение к себе, уверенность:

«Это гордость, радость от того, что ты что-то делаешь, начинаешь себя уважать за это. Все равно думаешь, что человек, которого бы любила, который хорошо бы относился — он всегда бы ходил, делал бы, как ты. Начинаешь себя больше любить за это, что ли, не знаю» (Л.).

Кроме этого данная деятельность открывает широкие возможности для самореализации, возможности «приложить» себя в самых разных ситуациях и ролях: организации и проведении праздников, мероприятий для пожилых людей, сотрудничестве со СМИ и администрацией, поддержке новых участников:

«Самореализация очень большая. Потому что творческая натура требует размаха, и в домах престарелых там вообще миллион путей: можно петь, ставить сценки. Потом еще... ну, тут все: можно поруководить поездкой, потому что у меня уже достаточно опыта, и я знаю» (И.).

Эта возможность попробовать себя в самых разных ролях, выполнить разнообразные задачи, способствует укреплению своей жизненной позиции, открытию неизвестных сторон своей личности.

Обсуждение

Таким образом, в результате феноменологического интерпретативного анализа полуструктурированных смыслоориентированных интер-

вью с волонтерами двух волонтерских объединений, помогающим пожилым людям в домах престарелых, были выделены основные модусы переживания смысла: 1) выход за пределы обыденности, 2) расширение границ, 3) общность, 4) «фундамент жизни».

Вхождение в мир пожилых людей, проживающих в домах престарелых (людей, отличных по возрасту, опыту, состоянию здоровья, социально-экономическому статусу, их «особое», рефлексивное состояние по отношению к прожитой жизни и близость к основным экзистенциалам смерти, одиночества, старости и т.д.) дает ощущение «остроты», предельности, «особого» качества внутренне переживаемого опыта. Такая «экзистенциальная встряска» заставляет волонтеров по-новому взглянуть на себя и свою жизнь, приводит к расширению границ привычного, к различным изменениям (в общении с людьми, восприятии пожилых людей, старости, самоотношении и т.д.). Ключевая особенность данного опыта заключается в том, что он переживается не в одиночку, но совместно с другими волонтерами, включенными в данный процесс. Ощущение объединяющего, совместно пережитого, значимого, трансцендентного опыта связывает волонтера с группой, а также с пожилыми людьми, со всем человечеством, с Богом. Все это приводит к изменению качества жизни волонтеров, они отмечают большую «включенность», укорененность в реальности, жизнь становится «полной, осмысленной, радостной».

Таким образом, если в объективной реальности волонтерская деятельность представляет собой однонаправленный процесс, целью которого является достижение блага других людей (в данном случае пожилых), то в субъективном плане он выглядит более сложным, многоплановым, может выступать как процесс взаимного обогащения, изменения, роста. Это приводит к тому, что многие волонтеры воспринимают себя в большей степени получающими, чем дающими. Такое видение процесса снимает вопрос об истоках волонтерской мотивации (альтруистических или эгоистических ее началах) и заставляет по-новому взглянуть на волонтерскую деятельность — как одну из возможностей «приложения себя», улучшения качества жизни, развития и внутреннего обогащения людей в процессе совместной общественно значимой деятельности.

Полученные результаты могут быть использованы в практике деятельности волонтерских организаций через акцентирование, поддержку и фасилитацию переживаний смысла данной деятельности, с применением различных стратегий работы по привлечению, обучению, удержанию волонтеров.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодренкова Г.П.* Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике / Учебно-методическое пособие. М.: АНО «СПО СОТИС», 2013. 320 с.
- Ермолаева М.В.* Методы психологической регуляции эмоциональных переживаний в старости // Психология зрелости и старения. 1999. № 1. С. 22—48.
- Лидерс А.Г.* Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом содержании // Психология зрелости и старения. 2000. № 2. С. 6—11.
- Марцинковская Т.Д.* Особенности психического развития в позднем возрасте // Психология зрелости и старения. 1999. № 3. С. 13—17.
- Потапова Н.А.* Групповые и личностные факторы социально-психологического климата волонтерских объединений. Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 215 с.
- Allen N.J., Rushton J.P.* Personality characteristics of community mental health volunteers a review // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1983. Vol. 12 (1). P. 36—49. DOI: 10.1177/089976408301200106
- Anderson J.C., Moore L.F.* The Motivation To Volunteer // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 1978. Vol. 7 (30). P. 120—129. DOI: 10.1177/089976407800700312
- Choi L.H.* Factors Affecting Volunteerism among Older Adults // Journal of Applied Gerontology. 2003. Vol. 22 (2), P. 179—196.
- Clary E.G., Snyder M.* The Motivations to Volunteer: Theoretical and Practical Considerations // Current Directions in Psychological Science. 1999. Vol. 8 (5). P. 156—159.
- Claxton-Oldfield S., Claxton-Oldfield J.* Some Common Problems Faced by Hospice Palliative Care Volunteers // American Journal of Hospice & Palliative Medicine. 2008. Vol. 25 (2). P. 121—126. DOI: 10.1177/1049909106289079.
- Deci E.L., Ryan R.M.* The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. № 11. P. 187—223.
- Groger L.* Doing Good for the Aged : Volunteers in an Ombudsman Program // Contemporary Sociology: A Journal of Reviews. 2004. Vol. 33 (2). P. 175—176.
- Hank K., Erlinghagen M.* Volunteering in "Old" Europe: Patterns, Potentials, Limitations // Journal of Applied Gerontology. 2010. Vol. 29 (1). P. 3—20. DOI: 10.1177/0733464809333884
- Korneeva E.L.* Volunteer activity for helping elderly people: «meaningful» view // European Social Science Journal. 2014. № 6. Том 3. С. 369—378.
- Lodi-Smith J., Roberts B.W.* Social Investment and Personality: A Meta-Analysis of the Relationship of Personality Traits to Investment in Work, Family, Religion, and Volunteerism // Pers Soc Psychol Rev. 2007. Vol. 11 (1). P. 68—86. DOI: 10.1177/1088868306294590.
- Pillemer K., Landreneau L.T., Suito J.J.* Volunteers in a peer support project for caregivers: What motivates them? // AM J ALZHEIMERS DIS OTHER DEMEN. 1996. Vol. 11. P. 13—19. DOI: 10.1177/153331759601100504
- Taniguchi H.* Who Are Volunteers in Japan? // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2010. Vol. P. 161—179.

Warren J., Garthwaite K. We are volunteers and that sometimes gets forgotten': exploring the motivations and needs of volunteers at a healthy living resource centre in the North East of England // Perspectives in Public Health. № 4. 2014. DOI: 10.1177/1757913914529559

Willig C., Billin A. Existential-Informed Hermeneutic Phenomenology // Qualitative Research Methods in Mental Health and Psychotherapy: A Guide for Students and Practitioners. Eds D. Harper and A. R. Thompson / UK. Chichester, 2011. P. 117—130.

FELT SENSES OF VOLUNTEERS WHO HELP ELDERLY PEOPLE IN INSTITUTIONS

E.L. KORNEEVA

In the recent years voluntarism in Russia has been growing steadily. This activity has some characteristics, which make it particularly sense sensitive: it is performed without any payment, or any obligation motives, volunteers are more likely to establish personal and closed relationships with elderly people and get in touch with main existentials (death, blame, suffer, aging, etc.). The main directions of volunteerism scientific investigation are generally devoted to volunteers' characteristics, their motivation and organizational issues. At the same time there is a lack of studies, which could represent this activity from the participants' point of view. In this article the results of interview analysis with volunteers from two volunteer organizations, who provide help for elderly people in institutions, are exposed. Following the approach of phenomenological interpretative analysis, "felt senses" are described: breaking everyday life bounds, broadening perspective, sense of unity, "the foundation of life".

Keywords: felt senses, volunteer, volunteerism, volunteer activity, elderly people, meaningful themes, interpretative phenomenology.

Bodrenkova G.P. Sistemnoe razvitie dobrovol'chestva v Rossii: ot teorii k praktike / uchebno-metodicheskoe posobie [Systematic development of volunteerism in Russia: from theory to practice / teaching aid]. Moscow: ANO "SPO SOTIS", 2013. 320 p.

Ermolaeva M.V. Metody psikhologicheskoi regulyatsii emotsional'nykh perezhivanii v starosti [Psychological regulation methods of emotional experience in the elderly age]. Psikhologiya zrelosti i stareniya [Psychology of maturity and aging], 1999. No. 1. Pp. 22—48.

Liders A.G. Krizis pozhilogo vozrasta: gipoteza o ego psikhologicheskom sodержanii [Elderly age crisis: hypothesis about its' psychological content]. Psikhologiya zrelosti i stareniya [Psychology of maturity and aging]. 2000. No. 2. Pp. 6—11.

Martsinkovskaya T.D. Osobennosti psikhicheskogo razvitiya v pozdnem vozraste [Characteristics of psychological development in the senior age]. Psikhologiya zrelosti i stareniya [Psychology of maturity and aging]. 1999. No. 3. Pp. 13—17.

- Potapova N.A.* Gruppovye i lichnostnye faktory sotsial'no-psikhologicheskogo klimata volonterskikh ob"edinenii. Diss.kand.psikhol.nauk.[Group and personal factors of socio-psychological climate of volunteer associations. Ph. D. (Psychology) diss.]. St. Petersburg, 2006. 215 p.
- Allen N.J., Rushton J.P.* Personality characteristics of community mental health volunteers a review. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 1983. Vol. 12, no. 1, pp. 36—49. DOI: 10.1177/089976408301200106
- Anderson J.C., Moore L.F.* The Motivation To Volunteer. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1978. Vol. 7, no. 30. Pp. 120—129. DOI: 10.1177/089976407800700312
- Choi L.H.* Factors Affecting Volunteerism among Older Adults. *Journal of Applied Gerontology*, 2003. Vol. 22, no 2. Pp. 179—196.
- Clary E.G., Snyder M.* The Motivations to Volunteer: Theoretical and Practical Considerations. *Current Directions in Psychological Science*, 1999. Vol. 8, no. 5. Pp. 156—159.
- Claxton-Oldfield S., Claxton-Oldfield J.* Some Common Problems Faced by Hospice Palliative Care Volunteers. *American Journal of Hospice & Palliative Medicine*, 2008. Vol. 25, no. 2. Pp. 121—126. DOI: 10.1177/1049909106289079.
- Deci E.L., Ryan R.M.* The "what" and "why2 of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*. 2000. No. 11. Pp. 187—223.
- Groger L.* Doing Good for the Aged : Volunteers in an Ombudsman Program. *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. 2004. Vol. 33, no. 2. Pp. 175—176.
- Hank K., Erlinghagen M.* Volunteering in "Old" Europe: Patterns, Potentials, Limitations. *Journal of Applied Gerontology*. 2010. Vol. 29, no. 1. Pp. 3—20. DOI: 10.1177/0733464809333884
- Korneeva E.L.* Volunteer activity for helping elderly people: "meaningful" view. *European Social Science Journal*. 2014. Vol. 3, no. 6. Pp.369—378.
- Lodi-Smith J., Roberts B.W.* Social Investment and Personality: A Meta-Analysis of the Relationship of Personality Traits to Investment in Work, Family, Religion, and Volunteerism. *Pers Soc Psychol Rev*. 2007. Vol. 11, no. 1. Pp. 68—86. DOI: 10.1177/1088868306294590.
- Pillemer K., Landreneau L.T., Sutor J.J.* Volunteers in a peer support project for caregivers: What motivates them? *AM J ALZHEIMERS DIS OTHER DEMEN*. 1996. no.11. Pp. 13—19. DOI: 10.1177/153331759601100504
- Taniguchi H.* Who Are Volunteers in Japan? *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2010. Vol. 39. Pp. 161—179.
- Warren J. and Garthwaite K.* We are volunteers and that sometimes gets forgotten': exploring the motivations and needs of volunteers at a healthy living resource centre in the North East of England. *Perspectives in Public Health (Impact Factor:1.09)*. № 04. 2014. DOI: 10.1177/1757913914529559
- Willig C., Billin A.* Existentialist-Informed Hermeneutic Phenomenology. *Qualitative Research Methods in Mental Health and Psychotherapy: A Guide for Students and Practitioners/ eds D. Harper and A.R. Thompson*. UK. Chichester, 2011. Pp. 117—130.